

Ольга Личкова

Одни из тех, за дверью

16+

Ольга Дмитриевна Личкова

Одни из тех, за дверью

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66194438

SelfPub; 2021

Аннотация

Рассказы о тех, кто попал в лапы старости, болезней одиночества один на один. О тех, кто не нужен миру. Каждый оставил след в моём сердце. Позволь себе почувствовать.

Ольга Личкова

Одни из тех, за дверью

Эта бабулечка умерла вчера вечером, прямо перед моей сменой, когда я пришла утром её кровать встретила меня холодной зеленью клеенки и бутылочкой воды на тумбе – единственной вещью Веры. Ее звали Вера, красивое имя, высокое. Она лежала, словно лежала всегда, всю жизнь, так непринужденно у нее это выходило. Когда я пришла первый раз обрабатывать у нее опрелости, то удивилась, что имея худощавое лицо и тело, у Веры были крупные бедра, словно не ее, сплюснутые и разлитые по постели. Последние дни Вера, как и те, кто собирается туда, за грань отказывалась от еды. Она пила таблетки, которые не принимала никогда, верила, что ли. Не так давно ее привезли из больницы, легкие были поражены на 85%. Страшно, и, все максимально ясно. Вера ничего не видела, плохо слышала. У нее были короткие серые волосы, наполовину прикрывавшие лоб. Она только пила из своей бутылочки, просила яблоко и благодарила за все. За таблетки, за поправленное одеяло, за воду. Каждый раз, помогая ей, я надеялась, что она забудет, промолчит. Нет. Вера благодарила громко, не по одному разу. Эти ее спасибо единственное, что она могла дать, и она давала. Ее слова ломали меня, я ничего не могла сделать, помочь, облегчить. Её соседка мычала, показывая на нее, и сочувственно вздыхала.

Она все понимала, как и я. Только смириться я не могла. Я верила, Вера...

Эта бабулечка, пожалуй, была забавней и нелепей всех. Она пронимала меня своей простодушностью и наивностью. Гномик, словно маленький гномик выглядела она. Крохотная, не достававшая мне и до подбородка, сидевшая на кровати бабулечка смешно болтала ножками, не доставая ими до пола. У нее были густые белоснежные волосы, насаженные на головушку словно мороженный шарик на рожок. Лицо с голубыми, далеко посаженными глазками, постоянно бегающими и вопрошающими имело растерянный вид. Я прошла мимо – пора кормить. За спиной я слышала ее вздохи и причитания – она все никак не могла разобраться со своей едой. Что кушать, зачем ей это положили, ей ли вообще это, когда кушать и все ли? Она никак не могла это понять и приступить к еде. Иногда она решается задать вопрос чуть громче своего привычного бормотания.

– Кто бы помог, объяснил, что тут кушать?

Она не обращается ко мне лично, но я понимаю, что кроме меня некому ей ответить. Если еще кормлю, то говорю ей, что нужно кушать то, что лежит в тарелке. А если же уже закончила, то подхожу, и показывая на первое, второе, хлеб, объясняю, что это все ей, не нужно ни с кем делиться, нужно все отправлять в рот, сначала пережевать, а потом глотать. Она с готовностью хватается за ложку, благодарит меня, на-

чинает торопливо кушать, уточняя, все ли правильно она делает. Мне пора кормить других, я ухожу. Но и из коридора слышу ее неразборчивые приговаривания и охи.

Кто бы помог? Кто б объяснил?

Она умирала. Как считали многие, этим она занималась давно, но сегодня, пожалуй, решила со всем покончить однозначно. Мне как обычно было страшно и очень любопытно. Я часто заглядывала в комнату, охваченная липким ужасом возможной картины. Эта бабушка находится тут уже давно. Раньше она ходила и даже пыталась вылезти в форточку. Сейчас же она лежала вся скрюченная, в повязках, под которыми разрастались пролежни. Её тело иссохло до такой степени, что по нему можно было изучать анатомию, не вскрывая. Цвет лица уже стал землистым, глаза не закрывались, матовый зрачок помутнел. Мы понимали, что мозг умер, но только сердце продолжало биться, поддерживая то, что никак нельзя назвать жизнью. Агональное дыхание наполняло комнату. Заходя, я ощущала всем телом, что смерть уже здесь, она ждет. В комнате из радио играла бодрая музыка, отчего складывались весьма смутные ощущения нереальности происходящего. Медсестры запретили трогать как-либо этого человека, что б дать спокойно уйти. Но в отделении, то и дело были слышны вопросы о том, умерла она или нет еще. Меня это сильно будоражило. Как можно так просто говорить об этом? Как вообще можно допустить смерть? Ведь

для меня она всего лишь потеря физической оболочки, не более. Я совсем не готова смотреть на то, как человека покидает жизнь. Заканчивается весь его мир со всеми радостями, потерями, эмоциями, чувствами. Словно и не было человека и уж поверь, не будет. Возможно, я еще достаточно наивна. Но мне так больно наблюдать за этим всем. Если ты считаешь, что на земле нет Ада, то дай мне свою руку, я самолично распахну тебе его двери. Каждая боль заслуживает того, что бы быть успокоенной, голос – услышанным, а рука – согретой. Я так хочу помочь каждому, но мне очень страшно быть один на один. Каждый день на работе я побеждаю себя. У меня наворачиваются слезы от собственной беспомощности над болезнями, одиночеством, старостью и смертью. Я – человек, лежащий на распятии ради тех, кто проиграл в битве за себя. Пока я рядом, но прости мне то, что ненадолго. Чувствую, что меня это убивает, мне всего 23, старики, я вас люблю, но позвольте мне жить и отпустить ваши руки...